

Мариан Ткачѐв

**Сочинитель,
жантийом
и фронт**

**Что он делал
Кем хотел быть
Каким он был среди друзей**

Мариан Ткачёв

**Сочинитель, жантийом и франт.
Что он делал. Кем хотел быть.
Каким он был среди друзей**

«ИП Астапов»

2014

УДК 82-1/-9
ББК 83.3(5)

Ткачёв М. Н.

Сочинитель, жантийом и франт. Что он делал. Кем хотел быть.
Каким он был среди друзей / М. Н. Ткачёв — «ИП Астапов»,
2014

ISBN 978-5-9905568-0-5

Ткачёв Мариан Николаевич (родился в 1933 г. в Одессе, умер в 2007 г. в Москве) – писатель, переводчик, знаток вьетнамской культуры. Окончил Восточное отделение истфака МГУ в 1955 г. Печатался с 1956 г., преподавал в ИВЯ при МГУ, работал консультантом по вьетнамской литературе в Иностранной комиссии Союза писателей СССР, был сотрудником журнала «Иностранная литература». Перевел произведения средневековых писателей Вьетнама, новеллы и стихи в томах серии «Библиотека всемирной литературы», романы и повести современных вьетнамских авторов Нгуен Туана, То Хоая, Нгуен Динь Тхи и других. Автор юмористических рассказов, очерков и радиопьес, сценариев теле- и мультфильмов. В 1992 году в США вышел сборник рассказов Ткачёва «Всеобщий порыв смеха» с предисловием А. Н. Стругацкого. Ткачёв М. Н. собрал бесценную коллекцию вьетнамской храмовой игрушки.

УДК 82-1/-9
ББК 83.3(5)

ISBN 978-5-9905568-0-5

© Ткачёв М. Н., 2014
© ИП Астапов, 2014

Содержание

Предисловие от составителя	5
Вступление от героя (собственноручное)	7
Что он делал	11
Из современной вьетнамской поэзии	12
Поэзия Дай-вьета	13
Мастер рукотворных чудес из края Светлого моря	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мариан Ткачёв

Сочинитель, жантийом и франт.

Что он делал. Кем хотел быть.

Каким он был среди друзей

Предисловие от составителя

В этой книге, посвященной памяти нашего друга – великого знатока вьетнамского языка и культуры, переводчика и писателя Мариана Николаевича Ткачёва, есть три раздела и «Вступление от героя (собственноручное)».

Первый раздел «Что он делал» составили статьи, написанные им в разные годы к вьетнамским книгам разных веков и авторов, свидетели его глубокого и сердечного знания вьетнамской истории, культуры, литературы.

Второй раздел «Кем хотел быть» – написанные им рассказы, собранные когда-то под одну американскую обложку его уехавшими друзьями, с предисловием Натаныча – великого Стругацкого старшего. Эти рассказы могут подтвердить, что, как у всякого замечательного переводчика, на дне ткачёвской души теплилась надежда: не только переводить, но и писать самому – тоска по своей, и только по своей, литературной делянке.

И третий раздел – «Каким он был среди друзей», где собраны воспоминания о нем его друзей, учеников и даже детей друзей.

Чтобы читателю легче было ориентироваться в хитросплетениях ткачёвских отношений, дружб и противостояний с людьми и миром – маленькая биографическая справка.

Одесско-кишиневское детство и юность. Оттуда четыре персонажа этих воспоминаний: Боря Бирбраир, Саша Калина, Леня Спекторов и доктор Табак. Двое из них, слава богу, живы. Из одного – Бирбраира – даже удалось добыть крупицу воспоминаний, и я счел возможным с нее начать третий раздел. Второй – Сашка, он же Шурик Калина, – прогарцевав по чужим воспоминаниям, своих воспоминаний не написал, по инженерно-научной своей ограниченности. Зато, по американской своей состоятельности взял на себя финансовое обеспечение и этого постткачёвского проекта. Правда, в последнюю минуту он дал нам важную биографическую справку, которую мы приводим как комментарии к воспоминаниям Левы Бирбраира.

Далее идет переезд в Москву, учеба на истфаке МГУ, работа во вьетнамском интернате и приход в университет уже в качестве ментора. Эта часть ткачёвской биографии отразилась в воспоминаниях Теда (Теодора) Гладкова и Фам Винь Кы, или просто Кы, ткачёвского выпестованника из того самого интерната, а ныне выдающегося вьетнамского специалиста по русской литературе.

Затем следует недолгое, но оставившее сильное впечатление у студентов преподавание Ткачёва в Институте восточных языков при МГУ, о чем – в воспоминаниях его учеников разных лет Сережи Афонина, Жени Кобелева и Саши Минеева, употребляю их домашние имена, поскольку и сам учился в те годы в ИВЯ при МГУ, правда, по другой языковой специальности.

Целезельское время Иностранной комиссии при Союзе писателей и многочисленные поездки во Вьетнам представлены текстами известных литераторов Аркадия Михайловича Арканова, соседа по писательскому дому на Малой Грузинской, автора бессмертного шедевра «Большая перемена» Жоры Садовникова и заметками соучастника многочисленных вьетнамских эскапад Ткачёва, его спутников и друзей – генерала от известинской журналистики Мишеля Ильинского.

Об остальном – коротко в воспоминаниях художественного руководителя театра «Эрмитаж» Михаила Левитина и – довольно длинно – в тексте вашего покорного слуги.

Заканчивается этот раздел мемориями человека совершенно другого поколения, хотя, на мой взгляд, интересны они совсем не этим. У Бори Бирбраира, дольше всех нас дружившего и бранившегося с Ткачёвым, есть сын – ныне благополучный бразильский математик – Лева. У него-то по электронной почте мною выцыганены воспоминания, особо для меня ценные уже в силу того, что к другому представителю этого же поколения – Александру Мариановичу Ткачёву – я, по изложенным в воспоминаниях причинам, обращаться не мог.

Просматривая ткачёвские материалы, собранные и сохраненные не упомянутым еще, но помогавшим собирать эту книгу Игорем Левиным, я натолкнулся на одно из любимых ткачёвских хулиганств, на которые он беззаветно тратил время, бумагу и талант, – посвящения друзьям. В данном случае – не раз встречающемуся на этих страницах Володе Брагину. В этом посвящении он представил и тех, кто много лет спустя напишет о нем в этой книге, и тех, кто уже никогда этого не сделает. Но это ткачёвский стиль, ткачёвский юмор – его любимая стратегема – пусть он представляет нас – так мы решили, составляя эту книгу.

Вот, собственно, и всё!

Алексей Симонов

Вступление от героя (собственноручное)

Действующие лица
(В порядке появления на сцене)

Ткачев - Светлог Духа. Сочинитель, жантийом и франт. Единственный известный науке неграмотничкой, неэнергичный Одесский. Этой свой неграмотничкой возмущает комитетскими подборами над слабым комитетом. Там и все прочие сочинители, склонен к преувеличениям - обычно неграмотничкой.

Брагин - Светлог Духа, скрывшийся под личиной представителя рабочего класса. Но избравшая им якобы скромная профессия „сВѣТилецъ“ выдаёт его с головой. Спасает же Брагина от разоблачения отсутствующая голова у чиновников самого первого отдела и Отдела кадров Центрального комитета. Доцентильмен и денди. Там все англичане, сухотар, рыж.

Данилов - Светлог Духа. Демшур - законспирирован под видом издательского редактора (конечно - старшего). Ему удалось сохранив свою легенду по причине упомянутого свойства чиновников самого первого отдела и Отдела кадров Госкомиздаёма. Среди известных науке Одесских - самый грамотничкой и энергичный. Это свое достижение компенсирует показный роботизм и девической застенчивостью. Непосвященные попадаться на такую уловку, посвященные - никогда.

Хевнер - Энтузиаст, возно прилагавший не к месту обнару-
женные у себя самого таланты. Единственный известный
науче еврей, служивший в советских парашютных войсках.
Могший один без помощи выжить мифе густого смурья.
Столкнулся и гужуется всюду. Он же...

... Дэви Фэлзени - американский джазовый трубач (оба без речей).

Муза - Мода из девяти эллинических богинь - покровительству
искусств и наук. В отличие эллинистично добитая полно-
го сходства с мраморной ситуацией (без речей). Она же...

... Вэйма Мидлтон - американская джазовая певица.

Бирдфрэнк Отец - Светлог Духа. Физик-теоретик и знаток всех
искусств. Живет в приуменьшенном им мире, где все и все движущее-
ся по неперемешанным орбитам, взаимодействуя в предназна-
нных потоках и сферах. Замечательный жеманод, семьянин,
отец. Один из немногих известных науче Одесситов, невозмож-
ных свой горюх за грехи советской власти. Любит готовить
и потреблять пищу (духовную).

Бирдфрэнк Сын - Светлог Духа. Понуда не обняти ой грузи,
из-за чего без речей.

Сэр Чарльз Сюу - Британский сочинитель и бюрократ. Журнали-
стик и бранишник. Знакомец Ткачёва, друг Дамптона и совет-
ской власти (без речей).

Джма-рече - Фильмский сочинитель. Замечательный жеманод,
сурман и вуайежнер.

Мабан-филс - Неправильный хирург, кардиолог, супердуперфреани-матюр (к нему обращен был призыв ветеранов войны и друзей ожившего Ленина). Замечательный жемолод, эрудит, дактило-ман, а равно - кулачный боец и шахматист. Постыжлив не-кастлив в фране.

Хазанова - Замечательный и трудолюбивый жемолод, проходинец, сочинитель. Раб и творец моды. Видный венерик (без речей).

Мензена - Достойное олицетворение прекрасного пола (без речей).

Берман - Светос Духа. Политикомом и корифей сцен. Подобно большому числу известных людей Одесский, смандалист, сверх-номов, плути. Незнакомый жемолод и гастроном. Пироженик. Друг - сочинил Дантиона.

Халина - Светос Духа. Демурр, подлинивший имитацию прама-терию всем законам гипермодулики; законспирирован по-визам символического аспирация. Незнакомый научной или-и. «Ведущий Будущего», гению всего сразу сдана истинно родные канайон и шимматери. Замечательный жемолод, хлебо-сол, бражник. Раб и творец моды. Воздесну, всеведну, всемо-гуцу. Принимает свою атуду от извергающих вичканов.

Витенька (Панов В.П.) - Извращенный химик и озвеник. Ку-дательный жемолод; равно переброжалателем и друзьям и вра-гам. Производит от партийно-государственных гресов, все-та-ки признает догматическую свободумысли. Эрудит и соде-сник Дантиона.

Лорд Байрон - Британский ситихом орец. Истинный аристократ и ревнитель свободы. Замечательный человек, красавец и храмец; подобно эллиническим героям перенёсшая Телес-поний. После замышля вступил в ряды греческих синуфгантов

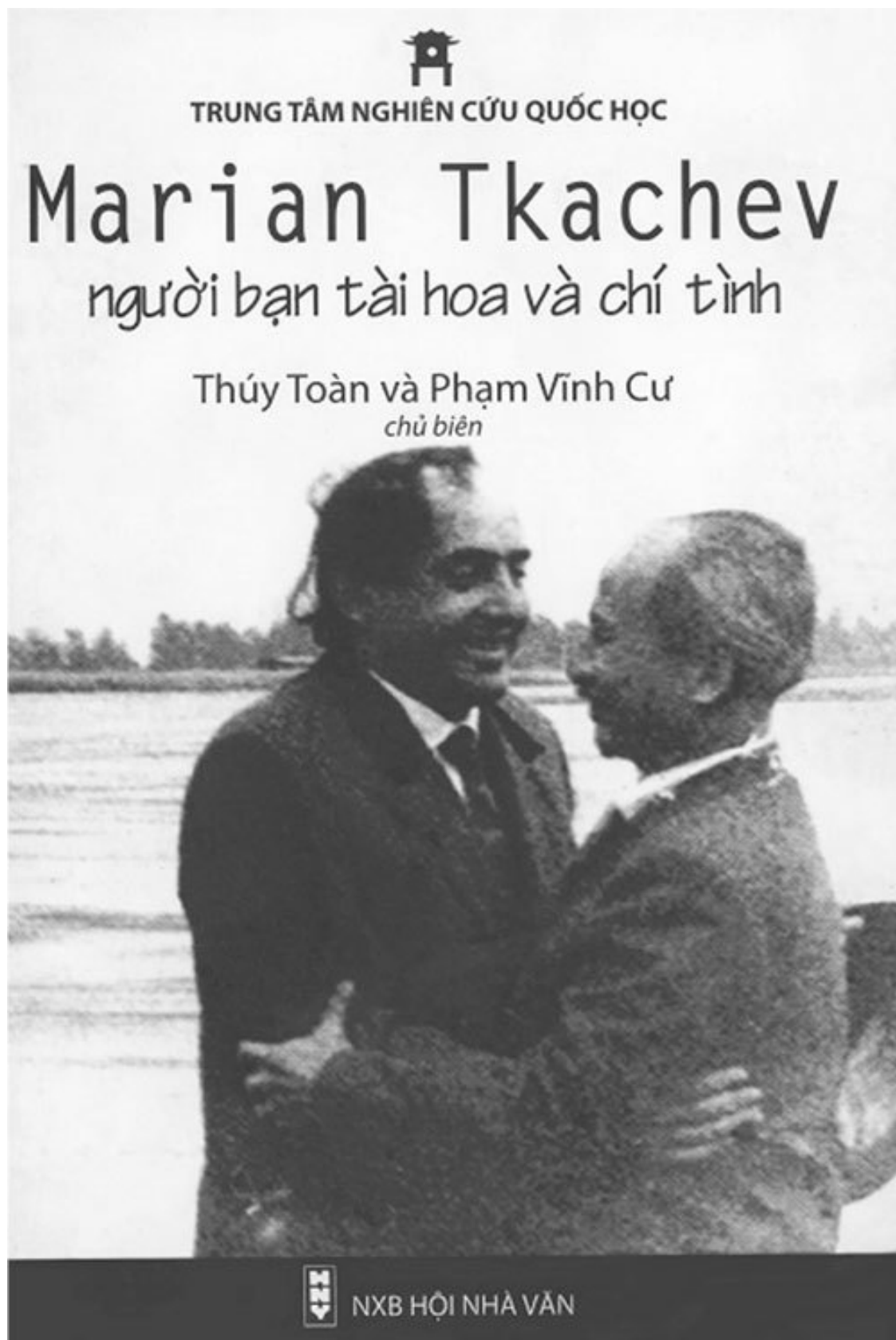
и в ходе военных действий умер от махорадки.
 Рад и избору моды. Вечный сном.
Друг Ткачёва.

Ситиславский - Изобретатель аргумента для изготовления проволочки и вершишель реформы театра, от которой он (театр) никак не оправится. Антиагонист Бермана и Нешировика - Данченко (слава Богу - без режис).

А также: Кор имени Ткачёвского (с танцевальной группой),
Солнцы и Солнечная этого хора; Сводный Кор Мен-
щины Всех Городов; Кораны, Диван, Ситиславский,
Перевозной бар, Сладкий ситом (все пятеро без ре-
тей, но ^{Бар - с режис} Кораны - со ситомом).

20 VII 1964

Что он делал

Из современной вьетнамской поэзии

...Я подметил, что всюду – в Ханое ли, шумящем вокруг озер, или в Хайфоне, где каждая улица, как и в побратиме Хайфона – Одессе, ведет счет домам от моря, или в кофейном госхозе «Донгзиао» – и дети, и взрослые, едва превзойдя азбуку, принимались читать и учить наизусть стихи. И не какие-нибудь рифмованные тексты из букварей, а настоящие, хорошие стихи хороших поэтов. Причем учили отнюдь не в порядке школьных заданий.

Когда я расспрашивал их об этом, они, застенчиво улыбаясь, отвечали примерно одно и то же: мол, очень любят стихи и просто хотят их знать. И я понял тогда, отчего старики, дожившие до седых волос, не учась грамоте, читали наизусть выученные на слух целые главы старинных поэм, отчего на собраниях и вечерах люди непременно читают сочиненные ими стихи, пусть бесхитростные, но всякий раз как-то по особенному раскрывающие их характеры и отношение к жизни...

Я вспомнил почти сплошь состоящие из стихов стенные газеты, которые видел в шахтерском общежитии в Камфа и в правлении рыбацкого кооператива в Нгитане, в блиндаже пограничников на семнадцатой параллели и в дежурке военного аэродрома под Ханоем... Вспомнил бесчисленные конверты со стихами, которые мне показывали в редакции ханойского еженедельника «Ван нге» («Литература и искусство»), проводившей традиционный поэтический конкурс. Нет, это не графоманство, столь распространенное нынче, а проявление истинного влечения и любви к поэзии.

Мне представляется иногда, будто все здесь слилось воедино в стремлении к высокому поэтическому настрою: и природа, в своем особенном ритме чередующая времена года, отмечая их смену переменой ветров и цветением разных деревьев; и угловатые чаши полей, высокие межи которых – вспомним слова старого русского поэта – сами кажутся рифмами стихотворения; и реки, подобно цезурам рассекающие вытянутую с севера на юг землю; и полотнища горных лесов, похожие на парчовые футляры старинных рукописей; и вздымающиеся посреди пашен и прибрежных вод скалы, причудливые, как иероглифы древних стихов. Да и самый язык вьетнамцев, с шестью его музыкальными тонами, удивительно певучий и гибкий, словно создан для стихосложения...

1973 г.

Поэзия Дай-вьета

Различны судьбы поэзии в разных землях, у разных народов. Но, пробудившись однажды к жизни, поэтическое слово не умирает. Меняются очертания морей и рек, пески затопляют долины, рушатся крепости, и застывают в безмолвном сне под землей некогда шумные города, истлевают в прах скипетры законных владык и завоевателей. Но строки стихов – доверены ли они хрупкой глине, непрочной бумаге или высечены в камне, сохранены ли для потомков тщанием переписчиков и покоем книгохранилищ или пробуждены от векового сна пытливостью и трудом потомков, – строки стихов неизбежно становятся достоянием людей, протягивая к их сердцам незримые нити из прошлого. Они словно эхо звучат в творениях поэтов других времен, в народных песнях, снова и снова пробуждая в людях тягу к добру, к созиданию и красоте.

Труден был путь поэзии на земле вьетов, он отмечен и взлетами творческого гения, и горестными утратами. Но на этой земле не могли не родиться стихи. Поэтические струны души пробуждались под обаянием природы, сплавленной из буйства красок и акварельной мягкости оттенков и полутонов. Здесь ярится раскаленное солнце, а там фиолетово-серый полог долгих дождей обволакивает весь зримый мир до самого окоема. Тишину вдруг разрывает в клочья рев тайфунов. Дурманящее ароматами пышноцветье сменяет усталое увядание осени. Отлоги, песчаные склоны у моря, круты одетые парчой лесов горные склоны и плодородные равнины то ширятся в речных устьях, то, стиснутые горами и морем, тянутся с севера на юг узкой извилистой лентой. Деревья в лесных чащах упираются кронами в синеву неба, опутанные переплетениями лиан. Стелются по опушкам неисчислимые цветы и травы. И бродят в жилах деревьев, в корневищах и стеблях былия незримые соки, способные в искусных руках стать смертельной отравой или целительным зельем. Реки, каскадами падающие с гор, вырываясь на равнины, смиреют и несут в океан свои воды, то окрашенные красноватым илом, то прозрачные – исхитившие у неба серебристую голубизну. А у берегов озер и тихих излучин колышутся тростники и цветут лотосы. И все это движение и противоборство стихий совершается в извечном ритме. Этому ритму подчинены повадки лесных чудищ, перелеты пернатых, таинственная жизнь водяных тварей и недолгий век радужнокрылых бабочек. Даже могучие драконы (а вьеты считали себя потомками Повелителя драконов) свои появления, знаменовавшие близость великих событий, увязывали с чередованием природных начал. Этому ритму подвластны труды земледельцев, дважды в год – если не возмущались стихии – снимавших с полей урожай риса.

Но не всегда рос на здешней земле рис, и не всегда тут были долины и пашни. Это человек своими руками оттеснил джунгли и замостил болота и прибрежные морские топи. Из века в век на равнинах и в предгорьях ширились рисовые поля, а вдоль накатывавшихся на них в паводок рек вырастали – стеною – плотины. Вьеты сами создали свою землю. Они не мыслили себя без этой земли, да и земля бы погибла без их забот и трудов: «Слышите, люди: не бросайте поля. Что ни щепотка земли – то щепотка злата...»

Так пели они и шагали по полю за плугом, оставляя борозды, похожие на строки; и, подобно рифмам, стягивали эти строки четкие грани межей. А прямо по строкам – нога в ногу – следом за пахарем брели белые аисты...

Песни вьеты слагали издревле. Испокон веку были свои особые песни у землепашцев и рыбаков, у ткачей и лодочников. Их пели во время работы и в часы вечернего досуга, когда над раскидистыми кронами баньянов у общинных домов повисали яркие звезды и высеченные из векового дерева люди, духи и звери, украшавшие эти дома, затаившись в полумраке, внимали напевам – то тягучим и плавным, то задорным и звонким. Песни звучали не только на деревенских или храмовых празднествах. Известно, к примеру, что так называемые «песни гребцов» исполнялись во время лодочных гонок на торжествах по случаю дня рождения вьетского

государя Ле Дай Ханя (985 г.). Тот же Ле Дай Хань, принимая во дворце посла сунского императора, немало удивил чопорного китайского вельможу, когда, как докладывал посол, «самолично затянул песнь приглашения к винопитию; слова были непонятны...» (Стало быть, пел государь на языке вьетов.) В 1025 году основатель новой династии Ли (1009–1225 гг.) государь Ли Тхай То на дворцовом празднике раздавал награды певцам. Среди них была «лицедейка Дао», имя которой, как отмечал летописец, стало понятием нарицательным и означало впоследствии просто «певица». В 1060 году государь Ли Тхань Тонг перевел на язык вьетов тямские песни, сочинив к ним аккомпанемент для барабанов. Преемник его, Ли Нян Тонг, царствовавший с 1072 по 1128 год, построил в столице «дом для песнопений и плясок», а по словам безымянного автора первой из дошедших до нас вьетских летописей («Краткой истории земли Вьет»), «песни и мелодии для музыкантов все были сложены им (государем. – М.Т.) самолично». И при династии Чан (1225–1400 гг.) песни звучали в пиршественных залах дворцов, в домах вельмож и чиновников.

По преданию, именно в эту эпоху в войсках вьетов, которые за недолгих три десятилетия трижды отразили вторгавшиеся из Поднебесной полчища монгольской династии Юань, родились «песни военного барабана». Тогда их, став двумя рядами у барабанов, пели солдаты. Но до наших дней песни эти дошли уже в виде диалога между юношами и девушками, а ритм – в разных местах по-своему – отбивают где барабаны, а где – и туго натянутый певцами канат, иногда пропущенный для резонанса сквозь пустой бочонок.

И пусть где-то к концу XV века, с утверждением засушенного, регламентированного до мелочей конфуцианского церемониала, песни вытесняются из придворного обихода, – народ, само собою, пел свои старые песни и слагал новые. Если же говорить о влиянии на поэзию письменную, то в песенном наследии важнее всего были, пожалуй, «ка зао» – стихи, читаемые нараспев, на свой особенный музыкальный лад, отточенные и совершенные по форме. Применяясь к новым временам, ка зао менялись сами, и мало их дошло в первоизданном виде из далекого Средневековья. Но уж если они касались деяний государей, державных и ратных дел, то пели о героях, сражавшихся за отчизну, о «справедливых» императорах, при которых даже куры не клевали отборных рисовых зерен, а быков было столько, что стали тесны пастбища. Хотя все чаще и чаще звучала в народных стихах горечь и боль обездоленных людей, а позднее, в XVIII веке, безвестные сочинители звали людей в повстанческое войско тэйшонов и оплакивали казненного властями «доброго разбойника» Лиу. Ему, кстати, в другом уже жанре, была посвящена народная баллада. Но в большей мере вместе с пословицами (они состояли зачастую из нескольких строк и тоже строились по законам поэтической метрики) уделяли внимание трудам земледельца и связанным с ним обычаям и природным приметам. Одни пословицы и ка зао складывались как бы в обширный календарный свод, где значились сроки пахоты, посева и жатвы, предвестия доброй и худой погоды... Другие – составляли свод этический и нравственный, полный не только вековых житейских правил, но и вбиравший в себя иногда осуждения и неприятие этих правил, исподволь готовившие перемены в обычаях и в быту. Этот последний свод не во всем совпадал с уложениями конфуцианской морали. Но совсем уж расходился с этой моралью еще один, третий свод народной поэзии, самый, пожалуй, богатый и популярный, – любовная лирика. Ка зао воспевали любовь свободную, не знающую закостенелых и подчас смехотворных рамок, – любовь, дарящую людям счастье и красоту, и гневно обрушивались на все, что мешало соединению влюбленных.

Были у вьетов и другие стихи и песни – язвительные и насмешливые, бичевавшие пороки и кривду, жадность и жестокость богатеев и метившие нередко в самые, как говорится, «верхи». Не случайно уже в 80-е годы XVIII столетия чванливый временщик Хоанг Динь Бао приказал выставить на рыночной площади ножницы с крюками, чтобы тут же на месте отхватить язык всем, кто посмеет завести хулительные песни.

Этот пуск и неполный рассказ о народной поэзии поможет нам лучше представить себе, как складывался духовный мир стихотворцев Дай-вьета. Да, они были людьми книжными и с малых лет корпели над конфуцианским каноном, над историей древних и новых китайских династий; без этого невозможно было выдержать испытания ни в провинции, ни в столице, дававшие ученую степень и право на чиновничью должность. Но историю своей земли и законы, по которым испокон веку жили на этой земле их соотечественники, будущие стихотворцы, – росли ли они под изразцовыми кровлями палат или под тростниковыми крышами, – сизмалства узнавали еще и из сказок и песен. И неписаная «история», равно как и не освященные авторитетами древних мудрецов житейские правила, властно налагали свою печать на их характеры и судьбы. В одной из песен вьетов поется: «За сотни лет сотрутся письма на камне, «Письмена» же изустные и тогда будут жить...». Не отсюда ль идут строки стихов великого поэта Нгуен Чая (1380–1442 гг.): «Рушатся каменные стелы, но истина нерушима...»

Здесь уместно вспомнить, что традиция почти всегда связывала сочинение песен со стихотворчеством. Великий поэт Нгуен Зу (1765–1820) писал в одном из своих стихов: «Деревенские песни нам помогают выучиться словам, чтоб описать, как растят тутовник и рами...» И сказано это было не для красного словца. Поэт всерьез старался постичь искусство народных певцов. Вместе с друзьями являлся он из своей деревни Тиен-диен в деревню Чыонг-лыу. Там по вечерам девушки, сидевшие за прялками, и приходившие в дом, где они пряли, юноши пели знаменитые «песни ткачей». Нгуен Зу пел вместе с ними и был всегда желанным партнером. Как-то раз девушки, боясь, что он не явится на следующий вечер, взяли у поэта в залог его платок. Говорят, он даже полюбил одну из прях. Потом, когда он уехал, девушка стала чахнуть от тоски, и он написал ей письмо в стихах...

Но вернемся к письменной поэзии Дай-вьета. Когда и как она начиналась? Древнейшие, дошедшие до нас стихи относятся к концу X века. В 987 году в Дай-вьет прибыл из Китая посол сунского императора, звали его Ли Цзюэ. До тогдашней столицы, города Хоалы (Цветочные врата), стоявшего в неприступных горах, надо было добираться на лодках. И государь Ле Дай Хань выслал навстречу посольству просвещенного и влиятельного при дворе буддийского наставника До Тхуэна (924–990 гг.), дабы тот, под видом кормчего, постарался выведать тайные мысли посла. Плывая по реке, Ли Цзюэ произнес две строки стиха. И вдруг лодочник подхватил рифму.

Посол был в изумлении. Он подружился с До Тхуэном и подарил ему стихи, таившие, как оказалось, в себе глубокий политический смысл. А потом на отъезд Ли Цзюэ другой буддийский наставник и советник государя, Нго Тян Лыу (959–1011 гг.), сочинил стихи «Провожая посла Ли Цзюэ». Оговоримся, что вьеты писали тогда стихи по-китайски, на ханване. Но неужели это были первые опыты стихосложения? Вряд ли возможно было без должного опыта и традиции состязаться с китайцем в сочинении стихов на его родном языке или написать ему в дар изысканные вирши. И такая поэтическая традиция у вьетов, конечно, была. Углубляясь в источники, так сказать, против течения времени, мы узнаем, что начиная со второй половины VII века китайские поэты, бывая в земле вьетов или встречаясь с приезжавшими оттуда в Китай буддийскими наставниками, дарили вьетам стихи. Литератор и ученый Ле Куи Дон (1726–1784 гг.) приводит четыре таких стихотворения, сохранившихся в китайских анналах. Но в этих случаях не принято, чтобы стихи дарила только одна сторона. Должно быть, вьеты тоже дарили поэтам из Поднебесной стихи; просто в китайские книги они не вошли, китайцы вообще редко сохраняли произведения чужой словесности. Однако по крайней мере одно исключение было сделано: в танских анналах сохранилась написанная ритмической прозой ода «Белые тучи озаряют весеннее море» – сочинение выходца из земли вьетов Кхыонг Конг Фу, который учился в танской столице Чанъани, сдал в 780 году экзамен, дослужился при китайском дворе до высоких чинов, но был уволен за «излишнее прямодушие». А еще раньше также учившийся в Чанъани выходец из земли вьетов – Фунг Дай Чи – удостоился

за свои стихи похвалы танского императора Гаоцзу (правил с 618 по 626 гг.). И речь здесь может идти о серьезной поэзии, об этом говорит хотя бы тот факт, что двое буддийских наставников из земли вьетов состязались в стихосложении с великим поэтом Ван Вэем (699–759). Итак, вьеты сочиняли стихи за триста лет до приезда в их страну почтенного Ли Цзюэ. Но можно попытаться отодвинуть истоки поэтической традиции еще дальше. Обратимся снова к «Краткой истории земли Вьет». Там под 184 годом приведено сообщение о том, что ханьский император (вьетские земли были тогда захвачены Китаем) узнал о поднятом вьетами мятеже и послал к ним нового наместника – Цзя Мэнь-цзяня. Он утихомирил бунтовщиков. И дальше в летописи говорится, что после замирения (цитируем): «Сотни семейств (то есть множество людей. – М.Т.) распевали такую песню: „Отец Цзя прибыл с опозданием. Нас прежде довели до мятежа. Теперь вокруг покой и чистота. И снова бунтовать нам ни к чему“».

Начнем с того, что вряд ли в земле вьетов «сотни семейств» могли распевать стихи, написанные по-китайски. Язык этот и много позднее знали только люди образованные, большинство же его не знало. Здесь, видимо, летописец попытался с помощью стихотворения как-то обрисовать то, что мы теперь назвали бы «общественным мнением». Сами же стихи, несомненно, сочинил человек просвещенный. Заметьте, в них сказано «нас... довели до мятежа». «Нас»!.. Значит ли это, что автор был из тех, кто бунтовал? То есть не обязательно бунтовщик, а вообще тамошний уроженец?.. Через сто лет это четверостишие включил в свои «Полные исторические записи Дай-вьета» Нго Ши Лиен, для того времени довольно критически относившийся к источникам. Сложно сейчас настаивать на том, что стихи эти относятся именно ко II веку; однако для нас главное в том, что сама постановка вопроса позволяет по-новому взглянуть на истоки поэзии вьетов.

Трудности в изучении древнейшего периода в истории поэзии Дай-вьета во многом связаны с сохранностью памятников. Практически от той эпохи почти ничего не сохранилось. Да и произведения более позднего времени тоже дошли до нас далеко не полностью. Причин тому было немало. Здесь и влажный тропический климат, и частые пожары (в старину все почти постройки были деревянными), и случавшиеся беспорядки, во время которых документы и книги, выброшенные из хранилищ, по словам историка, «переполняли дороги». А ведь «тиражи» книг были тогда невелики. В Дай-вьете, правда, книгопечатание (с резных досок) существовало издавна. В буддийской житийной книге «Записи дивных речений в Саду созерцания» (XIV в.) есть жизнеописание преподобного Тин Хаука (умер в 1190 г.), где сказано, что предки его испокон веку резали доски для печатанья книг. С XV столетия дело это было поставлено на более широкую и современную ногу. В середине века ученый и поэт Лыонг Ны Хока дважды ездил с посольством в Китай и, выведав там секреты печатного дела, обучил ему своих односельчан. В родной его деревне Хонг-лиеу (по-новому: Лиеу-чанг) доныне стоит ден (поминальный храм) Ны Хока, где чтут его память. Оттуда ремесло разошлось по соседним деревням. Но все же книг было мало. Многие вещи оставались в рукописях, а они теряются и гибнут быстрее, чем книги.

В свое время ученый и поэт Хоанг Дык Лыонг (XV в., экзаменовался в 1478 г.), составляя «Собрание превосходных образцов поэзии», сетовал: «Ах, отчего в стране, где творения словесности и искусства создаются вот уж которое столетие, нет ни одного собрания лучших своих творений, и, обучаясь стихосложению, надо отыскивать образцы где-то вдали, среди сочинений эпохи Тан...» Хоанг Дык Лыонг утверждал, будто книги пропадают оттого, что люди их не так уж и ценят: всякий, мол, распознает вкус изысканных яств или красоту парчи; но не каждому дано почувствовать прелесть поэзии. К тому же, считал он, сочинения поэтов теряются, а собрания стихов не составляются, поскольку мужам просвещенным недосуг заниматься ими из-за служебных занятий; иные же и вовсе лентяи. Через триста лет примерно такие же точно резоны приводил составитель «Всеобъемлющего собрания стихов земли Вьет» Ле Куи Дон, сокрушавшийся, что даже со времен Хоанг Дык Лыонга многое утрачено.

Но среди «превосходных образцов», собранных учеными мужами, нам не найти, конечно, таких по-своему примечательных строк: «Каждый клочок бумаги – пусть даже с половиной иероглифа, каменные плиты с надписями, воздвигнутые в этой стране, – все, едва увидите, изничтожайте в прах». А они многое бы могли объяснить о гибели книг, потому что «эта страна» – Дай-вьет, сама же цитата взята из указа минского императора Чэнцзу, который в 1407 году двинул на Дай-вьет свои войска, заботясь якобы о восстановлении законности и порядка. Двенадцать лет спустя новым указом император повелел вывезти из Дай-вьета в Китай все ценные книги, хроники и документы. В перечне их рядом с летописями и трактатами по воинскому искусству – книги стихов и прозы... И это был отнюдь не случайный каприз! Без малого полтора столетия спустя китайский историк, вместе с войсками вошедший на территорию Дай-вьета, с похвальной откровенностью писал: «Когда пришли солдаты, они, за исключением буддийских и конфуцианских канонических сочинений, отнимали любую печатную книгу, даже разрозненные страницы, вплоть до книжек пословиц и побасенок, по которым дети учились грамоте, – все должно было быть сожжено...»

Однако литераторы и ученые Дай-вьета с огромным трудом, чуть ли не по строкам, собирали наследие своей поэзии. К началу XIX века существовало уже девять больших антологий. Примечательно, что пять из них составлены были в XV или в самом начале XVI века, а когда после долгой и тяжелой всенародной войны были изгнаны из страны полчища феодального Китая, Дайвьет переживал огромный духовный подъем. Возрос, естественно, интерес к литературе – выразительнице национального духа и традиций, к своей истории, к наследию предков. Государь Ле Тхань Тонг (1442–1497 гг.) особым указом велел награждать людей, сохранивших редкие книги...

Итак, вначале поэзия Дай-вьета писалась на ханване. Мы здесь не будем касаться вопроса о том, существовала ли до того у вьетов своя письменность. Он достаточно сложен, и даже для предварительных выводов пока нет никаких точных данных. Отметим, что приятие вьетами китайской иероглифической письменности и китайского языка – как языка официального, делового и литературного – явилось, несомненно, важным шагом не только потому, что открывало перед ними новые возможности для творческого самовыражения (нас в данном случае интересует прежде всего художественная литература), но еще и потому, что предоставило в их распоряжение огромные духовные богатства китайской культуры. Очень многое и в поэтической метрике, и в образной системе, и в том, что сегодня именуется «интеллектуальным багажом» поэзии, вьеты заимствовали из Китая. Знанию китайской словесности и всех премудростей конфуцианского учения способствовала и система экзаменов, о которой уже шла речь выше. Но было бы наивно предполагать, будто вьеты не видели разницы между слепым подражанием и творческим заимствованием языка и реалий другой культуры. Вспомним хотя бы, как один из выдающихся реформаторов и просветителей Дай-вьета Хо Куи Ли (1396 г.) сказал, разбирая доклад некоего вельможи, обожавшего цветистые цитаты и ссылки на китайских мудрецов: «Тех, кто, едва приобщась к словесности, только и норовит упомянуть деяния времен Хань или Тан, верно прозвали «глухонемыми болтунами»; они лишь сами на себя навлекают насмешки». Сказано это было в 1402 году, через два года после того, как Хо Куи Ли сверг династию Чан, и за пять лет до китайского нашествия, оборвавшего его реформаторскую деятельность. Он был вместе с семьей и теми придворными, которые сохранили верность ему и его сыну, царствовавшему в те годы, увезен в клетку в Китай, где и умер в заточении. А ведь, как это ни парадоксально, именно Хо Куи Ли начал дело перевода китайских книг на язык вьетов и даже сам переводил канонические конфуцианские тексты. Он и стихи сочинял по-китайски, писал стихи на «номе»...

Если судить по сохранившимся надписям на стелах, иероглифическая вьетнамская письменность ном уже употреблялась где-то в конце династии Ли, хотя некоторые исследователи датируют ее появление гораздо более ранним временем. О первом же литературном памятнике

на номе мы располагаем, так сказать, вполне официальными сведениями. «Полные исторические записи Дайвьета» под восьмым месяцем года Воды и Коня (1282 г.) помещают известие о выдающемся событии: были изгнаны – с помощью стихотворного заклятия на номе – крокодилы, заполонившие устье реки Ло (ныне Красной). Заклятие это по приказанию государя сочинил и бросил в реку глава Палаты правосудия Нгуен Тхюйен. «Крокодилы, – говорит летописец, – само собою, исчезли. Государь решил, что деяние это схоже с деянием Хань Юя, и потому велел (Нгуен Тхюйену. – *М.Т.*) сменить родовое имя и зваться Хан Тхюйеном...» (Во вьетнамском языке слово «хань» произносится с твердым окончанием.) «Именно с той поры, – заключает летописец, – в земле нашей при сочинении стихов... многие стали пользоваться родным наречием». К сожалению, собрание стихов Хан Тхюйена до нас не дошло; название его значится в реестре книг, вывезенных в Китай в 1419 году. Пожалуй, здесь позволительно будет сделать предположение о том, что поэзия на номе могла существовать и до Хан Тхюйена. Для создания книги стихов нужно было все-таки опираться на какую-то традицию. Да и в том же самом летописном своде Ного Ши Лиена двадцать четыре года спустя мы находим сведения о Нгуен Ши Ко, ученом, литераторе и придворном, который был «искусен в шутках, любил слагать стихи на родном языке». И далее: «С той поры в земле нашей начали слагать стихи... на родном наречии». Что немаловажно, под этим же 1306 годом мы читаем о том, как вьетскую принцессу Хюйен Чан выдали за короля Тямпы, по каковому поводу «среди сочинителей – при дворе и в простых домах – многие, взяв за образец случай, когда ханьский император выдал дочь за гунна, сложили стихи на родном наречии, дабы излить насмешку». («Насмешку» – потому что брак этот, в общем, был мезальянсом.) Выходит, через два десятилетия после появления магических виршей Хан Тхюйена стихи на номе слагали уже сочинители самого разного ранга и толка?

Первой дошедшей до нас поэтической книгой на номе стало «Собрание стихов на родном языке» Нгуен Чая. Двести пятьдесят четыре стихотворения – драгоценный свод, которому мы в основном обязаны нашими представлениями о вьетской поэзии да и о самом языке вьетов. Именно книга Нгуен Чая открывает нам по-настоящему поэзию вьетов, зазвучавшую на их собственном языке. Судьба Нгуен Чая, гениального поэта, ученого, государственного деятеля и военачальника, сподвижника Ле Лоя, который был вождем освободительной народной войны, изгнал из Дай-вьета китайских захватчиков и основал династию Ле (1428–1788 гг.), сложилась трагически. Он был по ложному навету обвинен в цареубийстве и казнен вместе с сыновьями, внуками и правнуками. А книги его и доски, с которых они печатались, были сожжены или уничтожены. Отдельные экземпляры их вроде бы сохранились лишь в тайных государственных архивах. Стихи Нгуен Чая были изданы через четыреста лет после его смерти. Но утаить наследие поэта от потомков не удалось. Следы влияния его поэзии находим мы в сочинениях государя Ле Тхань Тонга и членов созданного этим монархом «Собрания двадцати восьми светил словесности». Плод их совместного творчества – «Собрание стихов на родном языке, сложенных в годы «Великой добродетели» – следующая после книги Нгуен Чая поэтическая вершина. Ле Тхань Тонг и его собратья по поэзии слагали стихи и на ханване (так же, кстати, как и сам Нгуен Чай и, по преданию, Хан Тхюйен, равно и Чан Тхай Тонг и другие). «Двуязычным» был и другой великий поэт – Нгуен Бинь Кхием (1491–1585 гг.).

Стихотворчество на родном языке делается достоянием все большего круга лиц. Поэзия утрачивает свой элитарный характер, у нее появляется новый читатель, вернее, и читатель и слушатель, потому что стихи теперь воспринимались на слух людьми, не обученными грамоте. Естественно, возникает и «обратная связь» – ширится влияние народной поэзии на поэзию письменную. Обогащается за счет фольклорных форм и сама поэтическая палитра. К заимствованным из китайской, главным образом танской, поэзии стихотворным размерам и формам (чаще всего восьмистишья и четверостишья с семисловной, то есть и семисложной строкой и конечными рифмами) со временем добавляется пришедший из ка зао «люк

бат» – размер, построенный на чередовании шестисложной и восьмисложной строк с конечной и внутренней рифмами. Начатки люк бата можно найти в песенных стихах Ле Дык Мао (1462–1529 гг.). Но уже столетие спустя в стихотворении Фунг Кхак Хоана (1528–1613 гг.) «Песня о лесистых ущельях» мы видим люк бат окончательно оформившимся. Этим размером написаны и поэмы Дао Зюй Ты (1572–1634 гг.) «Песнь о возлежащем драконе» и «Песнь о заливе Ты-зунг», читавшиеся, вероятней всего, нараспев с музыкальным сопровождением. Люк бат связан со становлением и высочайшими достижениями крупного жанра в поэзии, им написан и бессмертный роман в стихах Нгуен Зу «Стенания истерзанной души» (часто именовавшийся по имени героини «Тхюи Кьеу», или «Повесть о Кьеу»). На люк бате пишутся и лирические поэмы – «нгэмы». Входит в поэзию еще один размер «тхэт нгон люк бат», где чередуются две семисложные строки с шестью- и восьмисложными строками, также с конечной и внутренней рифмами. Этим размером написаны такие шедевры классики вьетов, как философско-лирическая поэма «Песнь о четырех временах года» Хоанг Ши Кхая (XVI – начало XVII вв.), лирические поэмы Доан Тхи Дием (1705–1748 гг.) «Жалобы жены воина» и Нгуен Зиа Тхьеу (1741–1798 гг.) «Плач государевой наложницы», философская поэма Нгуен Зу «Все живое...». Разумеется, появление крупного жанра в поэзии связано не только с обогащением и развитием поэтической формы, но и прежде всего с переломными явлениями в социальной и духовной сферах, с кризисом старых и зарождением новых идей. Впрочем, об этом позднее.

А сейчас вернемся к XVII столетию, когда, вероятно, написаны были на номе первые безымянные повествовательные поэмы – «чюйены» («Рассказ о прекрасной Ван Цян», «Су – полномочный посол государя», «Дивная встреча в лесистых ущельях»), строившиеся еще большей частью «по-старому», на семисложной строке. Они сразу же стали необычайно популярны. Очевидно, в конце XVII века появилась безымянная поэма «Записи Небесного Юга» (более восьми тысяч строк люк бата) – своеобразная летопись в стихах, также широко распространенная среди читателей. Поэмы эти помимо новизны и увлекательности сюжетов несли в себе и определенный социальный заряд. Число их, а равно и количество копий рукописных и печатных, множилось. И власти не замедлили всем этим заинтересоваться. В 1663 году князь Чинь Так (княжеский род Чинь практически узурпировал в то время власть государей Ле) повелел составить «Сорок семь статей об обучении словесности», где, кстати сказать, в стихотворной форме, указывалось на великую назидательную пользу, проистекающую от изучения китайского языка и словесности, а наипаче – от неукоснительного следования конфуцианским догмам. Все же остальное объявлялось никчемным и безнравственным. Остальное – это были книги на номе (речь главным образом шла о чюйенах), которых якобы развелось слишком уж много: «Дочитаешь одну книгу стихов, вновь попадаетесь песня (поэма). Слова их развратны, с легкостью лишают людей власти над собой. Не следует их печатать и распространять в ущерб добрым порядкам».

Одновременно князь Чинь Так, радея о высшей нравственности, повелел собрать «вредные книги» (на номе!) и сжечь. Однако книжные костры здесь, как, впрочем, и везде, оказались бессильны, и XVIII столетие поистине стало венцом восьмивекового пути поэзии Дай-вьета...

Но давайте вспомним об ее истоках. Принятый в некоторых изданиях принцип открывать публикацию поэтических памятников с начала XI века в общем-то имеет, как говорится, свои резоны. В 1010 году прославленный государь Ли Тхай То перенес столицу из укрывавшегося в горах городка Хоалы – пусть там поставлены были дворцы под «серебряными изразцами» и златоколонные пагоды, он все же оставался небольшим городком, само местоположение которого как бы свидетельствовало о постоянной угрозе вражеских нашествий. Новое, единое и сильное вьетское государство нуждалось в новой столице, которая лежала бы в центре его расширившейся территории. И такое место было найдено. Именно там, на равнине, в дельте Красной реки, находилась, как сказано в «Указе о переносе столицы», «скоба и задвижка от всех земель в четырех сторонах света». Здесь, если вспомнить историю, были уже в прошлом

– далеко и не очень далеко – столицы других династий и царств. Но государю, само собою, это место было указано свыше: здесь он увидел взлетавшего в поднебесье золотого дракона, – счастливейшая примета, сулившая его державе процветание и силу. Так был заложен Тханг-лаунг – «Град Взлетающего Дракона», престольный город Дай-вьета, опора его могущества, средоточие богатства и славы. Именно здесь был центр духовной жизни Дай-вьета, здесь творилась его поэзия. Да, конечно, стихи писались и в отдаленных пагодах, и в деревенском уединении ушедших от дел конфуцианских книжников, во дворцах окружных наместников и в дальних походах. Пусть не в столице, а в уезде Куинь-лэм собирал взысканный чинами и титулами принц Чан Куанг Чиеу (1287–1325 гг.) «Сообщество стихотворцев яшмового грота» – первое содружество поэтов в истории Дай-вьета. И так же не в столице, а на юге в Ха-тиене, собиралось, пожалуй, последнее поэтическое содружество, которое основал государев наместник Мак Тхиен Тить (XVIII в.). Но все же именно здесь, в Тханг-лаунге, стихи обретали свое полнозвучие, здесь определялись и соизмерялись значение их и ценность. Быть может, из всех великих поэтов один лишь Нгуен Зу был связан со столицей Нгуенов, городом Хюэ, но узы эти навряд ли были особенно прочными.

И тем не менее мы ошибемся, считая стихотворцев Дай-вьета горожанами в нашем сегодняшнем смысле этого слова. Вьеты – придворные ли или простолюдины, жившие в Тханг-лаунге и других городах – тысячью невидимых нитей соединены были с природой, ее движением, ее силой и красотой. Не случайно поэты Нгуен Ньы До, Данг Минь Бить или Тхай Тхуан (все они жили в XV в.), описывая столицу, выводят все те же детали «чистой» природы: сад, пруд и лягушек, кричащих после дождя, бамбук, цветы, луну; пишут о рыбной ловле... Лишь в XVIII веке у Ле Хыу Чака и других мастеров появится в стихах о Тханг-лаунге «городской» пейзаж.

В царстве природы не существовало границ, не было неравенства. «Все, что существует в природе, суть – общее достояние...» – так писал Нгуен Бинь Кхием.

В царстве природы, в стремлении постичь и изобразить его, пожалуй, наиболее тесно соприкоснулись поэзии народная и письменная. Поэт, человек просвещенный, книжный, и неведомый творец народных стихов и песен, в сущности, одинаково подходили к изображению природы. Просто у них были разные «точки отсчета». Первое, что всегда приковывало к себе внимание человека, это, наверно, загадка вечного круговорота в природе, смены времен. У народной поэзии здесь своя система координат. Давайте прислушаемся: «В первом месяце ноги шагают за плугом, Во втором, когда высевают рис, множь усердь...». И так далее, до двенадцатого, последнего месяца, когда надо сажать бататы... Это – ка зао. А пословицы еще уточняют, что, если «...кричат журавли, – будет стужа». И что, если, скажем, осенью «летают стрекозы, – будет буря». А сколько есть тут примет, связанных с луной! Но, оказывается, и государь Ле Тхань Тонг, вроде бы завзятый книголюб да к тому же еще погруженный в дела правления, отлично, что явствует из его стихов, знает о том, как многообразно светит луна в разные времена года. И государь Чан Нян Тонг (1258–1308 гг.) о приходе весны узнает не от придворных астрологов, а по бабочкам, закружившимся над цветами. Ведомо было поэтам, и какую пору весны означает «пух, облетающий с ивы» (принц Чан Куанг Кхай; 1241–1294), и что по весне в час пятой стражи кукует кукушка (Ле Тхань Тонг). А вот знаки наступившего лета: пение иволги (Хюйен Куанг), крик коростеля и округлившиеся бутоны софоры (Нгуен Чай), все та же иволга и цветение гранатов (поэтесса Нго Ти Лан). Осень – важная пора для земледельца, и в народной поэзии с нею связано особенно много примет. Но и в «календаре» стихотворцев осенние знамения многочисленней прочих. Вот одно лишь начало осени: «Со старых тутовников листья опали, коконы уж созрели; Благоухает ранний рис в цвету, жиреют крабы». (Нгуен Чунг Нган: 1289–1370 гг.) Поэт и вельможа, он написал эти строки, вспоминая далекую родину, когда ездил послом в Китай.) «Цедреллы плоды еще зелены, но уже ароматны; Лиловые крабы с желтым брусом в брюхе в бамбуковые заползают верши». (Ли Ты Тан (1378–

1457 гг.). Придворный и военачальник.) Кстати, «желтый брусок в брюхе» – это крабье сало. Стало быть, все та же примета. Ее мы найдем и у стихотворца XVIII века Нго Тхой Ыка, уточняющего, что крабы особенно жирны «в седьмом и восьмом месяцах», – по лунному календарю это уже осень. Поэт определяет время даже по шуму потока: «Журчанье ручья у изголовья возвещает осень» (государь Чан Минь Тонг; 1300–1357 гг.). Календарь ему заменяют цветы: «Год на исходе, в горах численника нет, но распускаются хризантемы, значит – день двойной девятки». (Преподобный буддийский наставник Хюйен Куанг. «Двойная девятка» – девятый день девятого месяца.) А вот строки, что вышли из-под кисти придворного и дипломата Фам Шы Маня (XIV в.): «...Мелкий дождь заполонил город – пора хлебных червей». Осень кончается, и «рыба, почуяв холод, скачет в студенном потоке». Так предугадал перемену времен высокоученый Тю Ван Ан (1370 г.), непреклонный блюститель «истинного пути», провозглашенного Конфуцием. У поэзии письменной не только свой точный календарь, но и свои часы. Каждой из пяти страж посвятил по стиху государь Ле Тхань Тонг и у каждой подметил особенные, ей одной свойственные черты. Утро поэту возвещает голос иволги, а вечер – кружение ласточек (чиновник и придворный Тхай Тхуан). Вечером также кричат вороны (Мак Динь Ти) и опускаются на ночлег в поля цапли (государь Чан Нян Тонг).

Стихотворцы Дай-вьета умели ценить щедрость земли. Но они знали, что ее дары – плод нелегких крестьянских трудов. Не случайно Нгуен Чай напоминал служилым людям: «За чиновничье жалованье твое будь благодарен землепашцу...» Главной заботой людей был урожай, и судьба его занимала поэта: «Смотрю, как синие тучи укрывают поля, вижу – урожай будет добрый» (Буй Тонг Куан; XIV в.). Государь Ле Тхань Тонг слушает кукушку, «возвестницу сева». А один из его «двадцати восьми светил словесности», Тхай Туан, прислушивается к крикам пахарей, погоняющих буйволов в борозде, и глядит вслед испуганным их голосами белым аистам...

Нгуен Чай писал стихи о сахарном тростнике, банане и целебном корне хоанг тине. Ле Тхинь Тонг и его собраты – о банане, арбузе, батате, капусте. Нгуен Бинь Кхием – о кокосе... Но, конечно, поэтам был чужд «утилитарный» подход к природе. Нгуен Чай всю жизнь копил «серебро май» (май – разновидность сливы, расцветающей в самом начале весны) и «золото хризантем». Он считал их единственным богатством, которое достанется детям и внукам. Поэты, зная толк в сокровищах цветов, умели подметить и изобразить самые разные «ценности». В «Собрании стихов, сложенных в годы „Великой добродетели“, есть семь стихотворений о лотосе (только что распустившемся; старом; колеблемом ветром...).

Поэт ощущал себя частью природы, нераздельной с целым. «Этот ветер, – писал о себе государь Чан Ань Тонг (1267–1320 гг.), – и эта луна, и этот человек – все вместе суть три дивные сущности жизни». Наверно, здесь надо отличать традиционные атрибуты отшельнического бытия, реминисценции книжные, пришедшие в стихи вьетов из поэзии Китая, от личного, прочувствованного и осмысленного восприятия природы. И то, чем, собственно, был уход от мира для поэта-буддиста и для поэта-конфуцианца. В первом случае – это естественное бегство из царства суеты и праха на лоно природы, где царят первозданный покой и гармония, – суть наилучшие условия для самосозерцания, – основы укоренившегося в Дай-вьете учения «тхиен» (санскр. – «дхьяна», китайск. – «чэнь», японск. – «дзэн»). Все сущности и существа природы для буддийского отшельника были звеньями всеединой и вечной цепи перевоплощений и различных существований. В этом смысле поэт воспринимал и самого себя как неотъемлемую частицу природы. Именно о таком слиянии, таком единении и говорил Чан Ань Тонг. Состояния природы и предающегося на лоне ее самосозерцанию человека тождественны. «Душа, принеся обет природе, – утверждает поэт, – как и она, чиста и свежа» (государь Чан Тхай Тонг). Для конфуцианца же отшельничество, уход от деятельной жизни – это прежде всего способ решения житейских противоречий. Долг предписывает «истинному мужу» служить государю и государству. Но когда государь несправедлив и в государстве вершатся непра-

ведные дела, долг предписывает от такового служения отказаться. Конечно, не всегда перед человеком стояла дилемма: служба или отшельничество? Здесь было множество оттенков, и отшельник не обязательно должен был отгородиться напрочь от многоликой и переменчивой жизни. Очень часто отшельники – буддисты и конфуцианцы – становились наставниками, учителями. Но в этом случае буддийский наставник учил отрешению от бренностей мирского существования во имя самосозерцания, самопостижения и – через них – приобщения к истинному пути. Конфуцианец же в первую очередь излагал своим ученикам все те же догматы общественной иерархии, служения «долгу», участия – в отведенной всеобщим регламентом мере – во всем, что касается дел государства. Конфуцианец на лоне природы учил тому же, чему обучали его коллеги в столичных школах...

Иные конфуцианцы уходили от дел до поры до времени. У них имелось одно очень удобное правило: как только правление станет клониться к справедливому толку – можно ему и послужить. Не все они бесповоротно, раз и навсегда, уходили от обольстительных соблазнов власти, как это сделал Тю Ван Ан, когда государь отверг его знаменитое прошение об отсечении голов семи временщикам. Он был честен, когда писал: «Плоть моя, как одинокое облако, вечно привязана к горным вершинам. Душа, словно старый колодец, не ведает волнений». Кстати, этот же образ четыре с лишком столетия спустя мы найдем в стихах Нгуен Зу: «Сердце мое – словно старый колодец, в который глядится луна». (Перевод Арк. Штейнберга.)

Но были и «отшельники», такие как Нгуен Бинь Кхием, не порывавшие окончательно связей с двором и следившие весьма даже пристально за течением государственных дел (хотя он также потребовал у государя головы временщиков – на этот раз в количестве восемнадцати – и, не получив их, вышел в отставку). В своей деревне он выстроил дом, который скорее лишь в силу традиций именовался «приютом» (кельей) – «Приютом Белых туч», навел мосты и воздвиг павильоны для удобства дальних прогулок. Он принимал посланцев обеих враждовавших династий – Маков, захвативших тогда столицу, и Ле, обосновавшихся на юге, в Тхань-хоа. Маки слали ему золото, драгоценности и шелка, и он, утверждая в стихах суетность богатства, не возвращал их назад. Случалось, он навещался в столицу, а иногда и Маки навещали поэта в его «келье». Ученики же его служили при обоих дворах.

Гораздо скромнее жил в деревенском уединении, в Кон-шоне, Нгуен Чай, когда сперва попал в опалу, а затем и вышел в отставку. Впрочем, в отличие от Нгуен Бинь Кхиема, Нгуен Чай вовсе не склонен был уходить от дел после первого же несогласия с монархом. Он, изведавший горечь китайского плена, тяжкие превратности войны и хитросплетения дворцовых интриг, всегда готов был бороться за выношенные и выстраданные им идеалы человечности и добра. Изгнанный, он, проглотив обиду, вновь возвращался к кормилу власти, ибо народ он уподоблял водной стихии, а государя и власть – ладье. Истинный служитель долга, он хотел быть кормчим, верным и неподкупным кормчим своего государя. Он был бескорыстен, – вспомним «золото хризантем». Ему, привыкшему держать в руках меч, невольно было из отдаленных тенистых беседок взирать на торжество несправедливости. Он вступил в поединок со злом и пал в нем... Нет, не отрешения от жизни, а прежде всего отдохновения искал Нгуен Чай на лоне природы. Не об этом ли его «Песнь о Кон-шоне»: «В Кон-шоне есть речка, журчанье ее меж камней для меня – переливы струн. В Кон-шоне есть скалы, отмытый дождями зеленый мох для меня – циновка с периной. В Кон-шоне есть роща тунгов, кроны – зеленые балдахины, под сенью их я сажусь отдохнуть...»

Поэты, созерцая природу, умели увидеть в малом большое, в частице – целое. Для них «пруд в половину мау (мау – старинная мера площади, равная 3600 кв. м.) отражал целиком все небо», как писал Нгуен Хук (XV в.). Конечно, когда стихи о природе слагал венценосец, он умел привнести в них должные интонации. Так, государь Чан Нян Тонг, находясь в округе Тхиен-чюнг, откуда вышла династия Чан, заявлял: «Округ этот – первейший из двенадцати округов». Подобную иерархическую географию весьма уместно дополняло сравнение шпалер

апельсиновых деревьев с рядами дворцовой гвардии. Ле Тхань Тонг, набрасывая традиционными красками деревенский пейзаж, добавляет к привычным деталям вереницу колесниц и звуки музыки. А в «Восхваление деревни Тьэ» он же завершает описание природы и шумного торжища «государственными резонами»: мол, здешнее процветание объясняется тем, что с людей взимают меньше податей. (Кто, спрашивается, их столь разумно установил?) Если в описаниях природы, связанных с временем процветания и мира, царит успокоение и гармония, то в пору военной страды и социальных потрясений нарушается равновесие стихий... Начинается дисгармония космических начал, когда, по словам Нгуен Бинь Кхиема, «вселенная не умиротворена» (современный ему вселенский разлад он подтверждает учеными ссылками на подобные случаи при древних китайских династиях). Отсюда тянется прямая связь к космическим мотивам в поэме Хоанг Ши Кхая «Напевы о четырех временах года». Здесь автору космические и стихийные силы понадобились, напротив, для того, чтобы воспеть возвращение к власти законной династии Ле, а точнее – воцарение княжеского рода Чинь, взявшего всю власть в свои руки, – воспеть через якобы утвердившуюся в природе лучезарность, покой и изобилие. У Хоанг Ши Кхая тоже множество реминисценций из китайской словесности и истории. Все это должно было придать главной идее поэмы особую убедительность. Кто знает, не была ли чрезмерная восторженность поэта изъятием признательности новым властителям, которые не только не стали карать Хоанг Ши Кхая за службу у узурпаторов Маков (вот она, верность конфуцианскому долгу! Правда, он после изгнания узурпаторов вышел в отставку), но окружили почетом и пожаловали щедрую пенсию.

Как и в народной поэзии, стихотворцы очеловечивают явления природы. Поэт слышит, как «дождь переносит журчанье ручья через ущелье», видит, как ветер «машет бамбуком над крыльцом» (Чан Минь Тонг)... Одушевляет поэт и самые различные предметы, сотворенные людскими руками. Дремлет весь день, взойдя на песчаный берег, одинокая лодка (Нгуен Чай). Отгоняет птиц нелюдимое пугало, которое и владельца бахчи не очень-то жалуется... Пейзажная поэзия зачастую как бы строилась по законам живописи. Стихотворец умел передать контрасты цвета и игру света и тени и призрачность полутонов. Более того, в стихах иногда зримо ощущается перспектива, объемная организация пространства, средневековой живописи не всегда еще свойственная. И становится понятным встречавшееся тогда в одном лице сочетание талантов поэта и живописца.

Возможно, разговор наш о поэзии Дай-вьета X–XVII веков покажется чересчур странным. Но ведь она до сих пор практически была неизвестна русскому читателю; тогда как творения поэтов XVIII столетия, во всяком случае, главные и лучшие среди них, давно уже бытуют в русских переводах. XVIII столетие в истории Дайвьета было временем крупнейших социальных потрясений. А вместе с устоями феодальной монархии заколебались общественные и этические идеалы, казавшиеся прежде незыблемыми. Конфуцианская регламентация и нормы рассудочной морали отступают перед властным требованием свободы человеческой личности, свободы человеческих чувств. Поэт осознает право человека на счастье, высокую непреходящую ценность любви, вступающей зачастую в конфликт с конфуцианской этикой и существующими порядками. И пусть стихотворец, не видя еще путей к истинному освобождению личности, решает жизненные противоречия с помощью условных приемов: воссоединение влюбленных в иных существованиях; пусть еще торжествует зло, но оно весьма недвусмысленно разоблачается и осуждается поэтом. Не случайно император Ты Дык (1848–1883 гг.), как говорят, прочитав в великой поэме Нгуен Зу «Стенания истерзанной души» строки, в которых вольнодумец и бунтарь Ты Хай отвергает власть монарха, воскликнул: «Будь Нгуен Зу еще жив, Мы повелели бы отсчитать ему двадцать ударов бамбуковой палкой!...»

Гневно осуждают стихотворцы Дай-вьета бесчеловечность законов, феодальные распри, несправедливость, лишаящую человека права на счастье. Созвучны с творениями Нгуен Зу и стихи Хо Суан Хьонг, которая, продолжая традиции «малого» жанра, воссоздает цельную

картину общества, построенного на угнетении и бесправии. Меняется и сам тип поэта. Да, Нгуен Зу еще служит феодальному государству, но мог ли он вырваться из привычных норм и жизненных правил своего класса?! Для него служение монарху – это уже не высшая и единственная цель жизни. Не смог возвыситься до конца над традиционными представлениями и правилами и другой замечательный поэт – Фам Тхай. Но именно он, видя несправедливость окружавшей его жизни, которая явилась и причиной личной его трагедии, порвал с извечной «верностью» государю и «истинным» установлениям. Добровольно поставив себя вне традиционных жизненных рамок (и дело здесь было, конечно, не только в династических пристрастиях и антипатиях), он стал «свободным художником». Скитаясь по дорогам, поэт слагал стихи «на случай» и кормился кистью своей, предпочтя желтую рясу нищенствующего монаха пышному одеянию царедворца. И именно из этого XVIII столетия память народная сохранила уже не только имена стихотворцев, но и имена героев их книг, ставшие нарицательными и вошедшие в песни и на зао. Это прежде всего относится к поэме Нгуен Зу, персонажи которой стали героями многочисленных притч, стихов и драматических произведений...

1977 г.

Мастер рукотворных чудес из края Светлого моря

Судьбы старинных книг, как и творцов их, бывают загадочны и необычайны. Вот уже более 4-х столетий живет среди людей книга, которую автор ее – вьетнамец – нарек, быть может, длинновато на наш нынешний вкус: «Пространные записи рассказов об удивительном».

Написанная на вэньяне, языке общем в ту пору для многих литератур Дальнего Востока, она вскоре была истолкована подробно уже по-вьетнамски, а толкования эти и примечания, записанные вьетнамской письменностью «ном», сделали ее достоянием уже не одних ученых и книголюбителей, но и очень многих людей, приобщавшихся к основам словесности.

Однако предисловие к первому, дошедшему до нас печатному тексту книги, сообщая, что издание это предпринято на двадцать четвертом году Лучезарного процветания – под таким девизом царствовал Ле Хиен Тонг (год по нашему исчислению 1763), – и воздавая хвалу государю, о самом авторе книги говорит лишь, что имя его Нгуен Зы, что он сдал столичный экзамен, был назначен правителем уезда, но потом, всего год спустя, вышел в отставку и вернулся восвояси. Не сказано, когда родился Нгуен Зы, в котором году экзаменовался и поступил на службу и долго ли еще прожил, оставив должность.

Но вот перед нами последнее, вышедшее в 1971 году, вьетнамское издание Нгуен Зы. Из предисловия, кроме прежних скудных данных, мы узнаем лишь название родной деревни Нгуен Зы: Дотунг, что в уезде Чыонг-тан, в Хай-зыонге (земле Светлого моря).

Там сказано еще, что знаменитая антология «Собрание стихов державы Виет» относит Нгуен Зы ко временам дома Мак (отнявшего в 1527 г. престол у законной династии Ле и удержавшего его до 1592 г.) и что антология называет Нгуен Зы учеником знаменитого поэта и философа Нгуен Бинь Кхиема (1491–1585), экзаменовавшегося и служившего при Маках. А отсюда делается вывод, что, стало быть, и Нгуен Зы сдавал экзамены и служил при тех же Маках и был тесно с их временем связан.

Давайте раскроем «Собрание стихов державы Виет» (предисловие подписано 1788 г.). Труды его составителя Буй Хюи Битя сохранены для нас многие творения старой вьетнамской поэзии.

Включил он в свою книгу и несколько стихотворений, украшающих прозу Нгуен Зы, но об авторе их сообщает также весьма кратко. Однако есть здесь и новые для нас сведения: 1) на экзаменах Нгуен Зы занял третье место; 2) он вышел в отставку, чтоб опекать престарелую мать; 3) вернувшись в деревню, никогда больше не был в городе. И опять ни единой даты!..

Обратимся теперь к «Описанию уложений минувших царствований». Многотомный свод этот полтора столетия назад так восхитил короля, что он пожаловал его автору, Фан Хюи Тю, тридцать лангов (более килограмма) серебра, одеяние тончайшего шелка и три десятка наилучших кистей с тридцатью тушечницами. Но придворный историограф, запечатлевая прежде всего успехи различных лиц на служебном поприще, отдельной биографии Нгуен Зы не дает.

Лишь перечисляя выдающиеся творения словесности, он отметил, что «Пространные записи рассказов об удивительном» сочинены ученым-отшельником Нгуен Зы, сыном тиен ши Тьонг Фиеу. Имя отца Нгуен Зы и упоминание имевшейся у него степени тиен ши, открывавшей путь к служебной карьере, – сведения для нас весьма важные.

И еще, из биографии упоминавшегося уже поэта и вельможи Нгуен Бинь Кхиема мы снова узнаем, что Нгуен Зы был его учеником, с одним лишь дополнением: учитель читал и правил книгу ученика.

А еще в одной старой книге – «Кратких записях постигнутого» (предисловие датировано 1777 г.), – принадлежащей кисти историка, поэта и государственного мужа Ле Куи Дона, находим мы жизнеописание Нгуен Зы. Поскольку оно полнее всех прочих и само по себе весьма интересно, приведем его здесь целиком: «Нгуен Зы – уроженец деревни До-тунг... Отец его

по имени Тьонг Фиеу удостоился степени тиен ши на испытаниях в год, на котором в месяцеслове сошлись знаки Огня и Дракона (то есть в 1496 г. – *М.Т.*)... служил Полномочным главою Королевского казначейства. Нгуен Зы с младенческих лет был умен и смекалист, подмечал многое и увиденное запоминал надолго. Преуспев в словесности, он сумел продолжить добрую славу семьи... отличился на окружных испытаниях, а на столичных – многократно достигал третьих степеней.

Поставлен был правителем уезда... но, прослужив всего год, под предлогом удаленности от дома отпросился в отставку, дабы, воротясь восвояси, ухаживать за родителями. После, когда узурпатор Мак бесчестно захватил трон королей, он поклялся впредь никогда не поступать на службу, поселившись в деревне, преподавал школярам и ни разу с тех пор не устремлял стопы в город. Из сочинений его имеются... «„Пространные записи рассказов об удивительном“, смысл их ясен и слог превосходен, люди в то время всячески их превозносили».

Итак, Нгуен Зы «многократно» сдавал столичные экзамены. Но они проводились раз в три года.

Значит, он, наверное, долгое время жил в столице, скорее всего в доме отца, важного придворного чиновника. Но что особенно важно – Ле Куи Дон утверждает, будто Нгуен Зы служил и вышел в отставку еще до воцарения Маков. И неожиданное подтверждение этому мы находим в старинном географическом своде «Описание земель великой державы Юга» (XIX в.), где краткие сведения о Нгуен Зы помещены в раздел «Эпоха Ле» (здесь – 1428–1527 гг.), а биография Нгуен Бинь Кхиема открывает другой, идущий следом раздел «Эпоха Маков». Причем авторы явно руководствовались сроками служебной карьеры.

Давайте попробуем уточнить эти сведения с помощью появившейся у нас наконец единственной даты – 1496 года, когда отец Нгуен Зы сдал столичный экзамен. О столичных экзаменах (точнее, первый их тур назывался столичным, а второй – дворцовым) есть множество сведений, особенно для интересующего нас времени, когда с 1460 по 1497 год царствовал Ле Тхань Тонг, который экзаменам да и всему вообще просвещению внимание уделял особое. При нем были расширены пределы страны и утвержден высокий ее престиж не только среди малых соседей, но и при дворе правившей в Китае династии Мин. Познав в отрочестве нужду и горечь изгнания, Ле Тхань Тонг стремился (насколько при всем прочем это было возможно) к идеалам «справедливого правления». Он упорядочил законы и налоги, преобразовал государственный аппарат и армию.

При нем был впервые сделан «полный чертеж» земли Дайвьет (так назывался тогда Вьетнам), разделенной по-новому на округа и уезды, составлен свод вьетнамской истории.

Выдающийся поэт Ле Тхань Тонг писал стихи и прозу на вьетняне и по-вьетнамски; он возглавлял знаменитое «Собрание двадцати восьми светил словесности».

Так вот, в 1496 году действительно состоялись столичные экзамены, и в списке отличившихся мы находим Нгуен Тьонг Фиеу, отца Нгуен Зы.

Сколько же лет могло быть Нгуен Тьонг Фиеу тогда, в 1496 году?

Во втором издании «Кратких биографий вьетнамских авторов», вышедших недавно в Ханое, мы для всего времени от конца XI века, когда во Вьетнаме появились экзамены, и до 1547 года (более поздние данные для нас в общем-то не важны), находим пять лиц, у которых известны даты рождения и сдачи экзаменов.

Оказывается, девять человек сдали экзамены, будучи моложе двадцати лет, двадцать четыре человека – от двадцати до тридцати лет и двенадцать – старше тридцати лет (из них пятеро – старше сорока).

По двум другим источникам мы находим еще четырех лауреатов: двое экзаменовались моложе двадцати лет, двое других – в двадцать два года. Итак, мы можем предположить, что отцу Нгуен Зы в 1496 году было, скорее всего, от двадцати до тридцати лет.

Женились вьетнамцы в ту пору рано? и, как правило, родители выбирали жен своим сыновьям сами/ Человек, отправлявшийся на экзамен в столицу, обычно бывал уже женат. Об этом, кстати, свидетельствуют многие из новелл Ле Тхань Тонга, да и самого Нгуен Зы, вполне достоверные во всем, что касалось обычаев и быта.

Выходит, Тьонг Фиеу в 1496 году почти наверняка был человеком женатым. Детьми тогда тоже обзаводились рано. Позднее рождение ребенка даже в летописях, где речь шла о наследниках престола, не говоря уже о рассказах про чудеса (у Нгуен Зы тоже есть два построенных на этом сюжета), связывалось обычно с вмешательством потусторонних сил и, значит, было событием редким и необычным. Правда, тогда люди с достатком имели почти всегда по несколько жен, а значит, и много детей.

Но если Нгуен Зы успел до 1527 года окончить учение, сдать экзамены (возможно, еще и не один раз), получить должность, отслужить год, выйти в отставку и вернуться восвояси, то, исходя из простого расчета времени, он должен был быть старшим сыном в семье. Косвенно это подтверждается и тем, что Нгуен Зы вышел в отставку под предлогом заботы о престарелых родителях, что было прежде всего долгом старшего сына.

Кстати, в летописях и других источниках сведения о каком-либо лице почти всегда содержат упоминание имени и чинов его отца. Происхождение играло тогда важную роль в служебной карьере: для допуска к экзаменам кроме письменного подтверждения личной благонамеренности, выданного местными властями, требовалось еще и свидетельство о том, что в родословной «абитуриента» не было изменников, мятежников и... актеров. Но мы нигде не находим упоминаний о других сыновьях Нгуен Тьонг Фиеу, старших или младших братьев Нгуен Зы.

Стало быть, мы вправе выдвинуть еще одно, третье предположение: Нгуен Зы родился около 1496 года.

Но как же тогда Нгуен Зы мог быть учеником знаменитого Нгуен Бинь Кхиема? Ведь традиция вроде бы связывает всех его именитых учеников с тем временем, когда Нгуен Бинь Кхием, выйдя в отставку (1543 г.), открыл в своем уезде Винь-лай (в том же Хайзыонге) школу, куда отовсюду стекались ученики. Для троих из прославившихся впоследствии «выпускников» Нгуен Бинь Кхиема нам известны годы сдачи экзаменов, и, оказывается, двое из них экзаменовались в 1538 году, то есть за пять лет до отставки Нгуен Бинь Кхиема. Значит, он преподавал и до 1538 года! Впрочем, для нас главное в том, что упоминание имени Нгуен Зы среди учеников Нгуен Бинь Кхиема вовсе не означает неперемкнутого его ученичества после 1543 года. Да и вообще, в Средние века во Вьетнаме (и не только там) понятия «ученик» и «учитель» отнюдь не значили лишь «школяр» и «преподаватель». Учеником могли называть и последователя знаменитого философа или вероучителя (то есть учителя в высоком смысле этого слова). Здесь отношения строились уже не по школьному принципу и вовсе не предполагалась особая разница в возрасте. Не таковы ль были и отношения между прославленным мыслителем и поэтом, царедворцем, чьи мнения даже после отставки воспринимались обеими враждующими династиями как политические пророчества, – Нгуен Бинь Кхиемом и почти неприметным в «свете» Нгуен Зы, хотя и он с детства блистал познаниями и талантами и тоже имел своих собственных учеников?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.